

Sipko, Jozef

"И новые песни по-старому поем..."

Новая русистика. 2010, vol. 3, iss. 2, pp. [21]-31

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116147>

Access Date: 05. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Йозеф СИПКО
(Прешов)

«И новые песни по-старому поем...»¹

“And the new songs in the old way sung“

The author in this work focuses on the literature-centrism of Russian culture. It is usually presented in various forms. Literary linguistic cultureemes from Russian folklore and the medieval Russian literature are the main subject of the research. These oldest sources of fine literature prove their usefulness in every single period of the history of Russia. The units in question are being analyzed in the work as socio-communicational standards in position of permanent ethno-cultural values. The main source of research materials can be found in the present Russian mass media, analyzing which a certain hierarchy of Russian linguistic cultureemes can be created. When talking for example about Russian fairy tales, “Репка” and “The Tale of a Fisherman and the Golden Fish” are among the most frequently used sources. Based on their connotations negative pictures are created, that is why, they are being called anti-fairy tales by the author. They are often used to evaluate negative aspects of life in the Soviet and Post soviet era in a highly satirical manner. When dealing with Old Russian literature the theme of “crying” from the work “Slovo o polku Igoreve” belongs to the most frequently used one. The themes taken from the fables of Krylov are also dealt with in this category, as fables, in a wider context, can be looked upon as fairy tales. The author is comparing his

¹ This contribution is the result of the projekt implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operetional Programme funded by the ERDF.

personal discoveries with the data collected in Russian Associative Dictionary which excellently complements overall knowledge of Russian culture.

Введение

Хочется завершить известную мысль С. Есенина из заголовка – *...Как нас учили бабушки и деды*. Что нас привлекает в подобных **лингвокультурах** (Воробьев, 1997), встречающихся в современных СМИ? Можно выделить целый ряд характеристик данных единиц, как образность, экспрессивность, косвенная оценочность, пародия и тд., которые бесспорно повышают достоинство любого в том числе и публицистического текста. Данные единицы документируют ценностно-смысловое пространство конкретного языка, а через него и ценности его носителя (Алиференко, 2010). Нас в первую очередь заинтересовала **когнитивная**, лингвокультурная сторона функционирования данных единиц, поскольку их посредничеством характеризуются современные, в данном случае, современные российские реалии. Сколько раз по всякому поводу мы читаем и слышим **гомеризмы** *ахиллесова пята, троянский конь, троянская Елена*, выражающие определенную **социально-коммуникативную модель**. Великий Гомер, наверное, не подозревал, что его выражения станут бессмертными. В них выражены универсальные качества человеческого общества, непрерывно повторяющиеся в качестве неких **языковых прецедентов** (Красных, 2002). В процессе чтения текстов, содержащих данные единицы, перед читателем предстает не только конкретная актуальная информация, ее оценка, но также ее историческая перспектива часто в глубинах веков. Благодаря в первую очередь литературным и историческим лингвокультурам, мы глубже осознаем то, что все здесь уже было, что в мире действуют **универсальные законы**, что в конце концов *все возвращается на круги своя!* Язык, таким образом, становится не только средством коммуникации, но является богатым источником наших знаний о мире, а прежде всего о нас самих и определенным диагностическим средством человеческого общества в целом.

Литературоцентризм русской культуры

Очередной раз мы об этой стороне языка могли убедиться после коренных социальных, политических и экономических перемен в наших странах в особенности после распада советской системы. Произошла в некотором смысле **чрезвычайная ситуация** в конце 1980-ых и в начале 1990-ых годов, которая как будто сопровождает повышенное употребление исследуемых языковых единиц в языке эпохи. При этом наблюдаем выразительные этнокультурные особенности в их функционировании. Скажем, в русской языковой среде

«И новые песни по-старому поем...»

литературных лингвоультурем гораздо больше чем, скажем, в словацкой среде. Одно из объяснений этому явлению заключается в характеристике русской культуры как **литературоцентрической**. Как показывают исследования известного представителя психолингвистики Ю. Сорокина (1995), американцы и русские отмечают упомянутый выше литературоцентризм русской культуры в языковом сознании обоих народов. Их представители в ассоциативных тестах приводили **антропоцентрическую** картину России и США. Были получены следующие результаты – русские по отношению к своей культуре приводили чаще всего фамилии:

1. Пушкин, 2. Толстой, 3. Петер Великий, 4. Достоевский, 5. Гоголь.

Американцы создали аналогичную картину портретов личностей России:

1. Горбачев, 2. Пушкин, 3. Достоевский, 4. Петр Великий, 5. Толстой.

Комментарий здесь излишен – Россию в сознании русских и американцев представляют главным образом русские писатели. Аналогичная антропоцентрическая картина США выглядела совершенно иначе. У американцев:

1. Кинг, 2. Буш, 3. Вашингтон, 4. Мадонна, 5. Кеннеди.

У русских получилась аналогическая иерархия американских личностей:

1. Рейган, 2. Мадонна, 3. Вашингтон, 4. Джексон, 5. Кеннеди.

В упомянутой работе Сорокина у обеих испытуемых групп из десяти личностей России семь мест занимают русские писатели. В первую десятку американцев не попал ни один американский писатель!

Литературоцентризм в СМИ

Наши исследования русской и словацкой прессы постсоветской эпохи данные лингвокультурные тенденции полностью подтверждают. Литература в русской культуре является бесспорно **главной ценностью**. Напомним только известную русскую лингвокультуруму: *Пушкин – это наше все*. По сути дела можно создать определенную иерархию функционирования реалий русской литературы в СМИ и действительно первое место занимает А. С. Пушкин. На этом месте приведены данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС) (Караулов и колл., 2002, том I., с. 403), где при простой лексеме в качестве стимула главные реакции связаны именно с приведениями А. С. Пушкина:

ОКНО: спальни, дверь, в мир, в Европу, Европа...

Таким образом, лексема *окно* в качестве стимула вызывает у русских реакции, базирующиеся на отрывке из пролога поэмы Пушкина «Медный всадник»:

Природой здесь нам суждено,

В Европу прорубить окно.

Пушкинские ассоциации появляются у целого ряда русских лексем:

ПУШКИН: поэт, дуэль, памятник, стихотворение, поэма, Александр, стих, Лермонтов, выстрел, гений, лирик, метель, повеса, пророк, стихи, Толстой, великий, Гоголь... (Караулов и колл., Т. II., 2002, с. 703–704).

Из сказок в антисказки

Итак, попытаемся процессы постсоветского развития наблюдать через образы русской народной **словесности** и **древнерусской литературы**. По нашим многолетним наблюдениям из русских **сказок** довольно регулярно появлялся мотив *Репки*. В перестроечные годы одной из самых горячих была тема репрессии и судьба миллионов заключенных в ГУЛАГАХ. Нашим студентам был предложен нижеследующий текст для интерпретации:

Посадили репку. За репку – деду. За деду – бабу. За бабу – внуку. За внуку – собачку. За собачку – кошку. И наконец реабилитировали мышку.

Типичными были интерпретации следующего образца:

Посадила бабушка репку. Репка выросла. Стал дедушка репку тянуть, но не вытянул. Прила помочь ему бабу, но не могли ее вытянуть. Позвали внуку. За внучкой прибежала собачка, но не могли ее вытянуть. Смотрит на них мышка – не понимает. Решила им помочь. Наконец им удалось репку вытянуть.

В данной интерпретации сюжет соответствует оригинальному содержанию сказки все заканчивается счастливо. На самом деле в тексте содержится сюжет, в котором в коммуникативном центре стоит полисемия глагола *посадить* (в землю, в тюрьму) и глагол *реабилитировать*. Автор текста реагировал на судьбу многих известных представителей советской власти (*Репка*), например, таких как Бухарин, после ареста которых были посажены в лагеря их родственники и другие приближенные лица. При реабилитации часто освобождали лишь незначительных людей (*мышки*), а главные репрессированные люди долгие десятилетия реабилитированы не были. В некотором смысле подобные тексты представляют собой **антисказки**, поскольку в отличие от сказочных сюжетов они заканчиваются несчастливо и даже трагически. Повышенная мера преступности после распада СССР, чувство незащитности и несправедливости над коррупцией создали фон для перифразы на мотивы сказки *Репка*. В данном отрывке чувствуется **мотив покинутости** простого гражданина:

Посадили Репку. За Деду. Репка вышел из тюрьмы и убил Деду.

В РАС (Т. I., с. 554) проверяем соответствующие ассоциации:

РЕПА: овощ, голова, сказка, большая, дед, дедка, деда, бабу, мышка...

Как известно, у всех настоящих сказок был один и тот же конец: *Стали жить да поживать, да горя не знать*. Российская действительность после распада советской системы вызвала положительные и даже сказочные мо-

«И новые песни по-старому поем...»

тивы при воспоминаниях о советском прошлом. В первую очередь это относится к пожилым людям:

Самая короткая сказка: давно, когда в магазинах было полно всего (ЛГ. 1991. № 16).

В данном случае необходим короткий комментарий. После распада советской системы возникла большая социальная дифференциация, языковым кодом которой являются с одной стороны такие выражения как *олигархи, новые русские, нувориши*, а с другой стороны *старые русские, совки, челноки*. Именно вторые представляют собой людей социально мало защищенных, для которых советское прошлое кажется сказкой.

В позиции антисказки функционируют и другие русские народные сказки. Популярной в этом плане является «Сказка о рыбаке и рыбке», в которой появляются новые мотивы относительно приобретения собственности и богатства. *Золотая рыбка* может выполнить любые желания, но относительно России *рыбка скептически*:

Разговор двух рыб:

– *Совсем старик со старухой сдурели.*

– *А что?*

– *Требуют совершить для России экономическое чудо!* (ЛГ. 2002. № 1).

В другом случае *золотая рыбка* послужила защитой перед налоговой инспекцией для типичного героя нашего времени:

Налоговый инспектор:

– *Вы пишете, что вы безработный. На какие средства вы построили виллу?*

– *Мне золотая рыбка ее подарила.*

– *Что за глупости!*

– *Не верите? Идите со мной, покажу...*

Финансовый кризис, как впрочем и все другие проблемы в России, «решают» также другие персонажи русских народных сказок. На интернетовских страницах стали регулярно появляться анекдоты и частушки, в которых посредством сказочных мотивов открываются своеобразные фрагменты языковой картины современных экономических проблем, свидетельствующих о человеческой морали. Некоторых героев русских сказок, например, *Кощея*, может на определенное время заменить *кризис*, чтоб им пугать детей. Самый известный русский сказочный персонаж *Дед Мороз* на этот раз не выполнил желание для всех русских. Он тоже служит только сильным мира сего. Государственная дума в ноябре 2008 года с одной стороны продлила президентский срок с четырех на шесть лет (Появилась версия, что на этот пост вернется В. В. Путин), но остальных россиян ждет *кризис и повышение налогов*

*В тихий час детишки спят,
Крепче не бывает.
Не Кошечем их теперь –
Кризисом пугают!*

*Здравствуй, Дедушка Мороз
Что в подарок нам принес?
«Президенту новый срок,
Прочим кризис и налог».*

Но все-таки всем, в том числе и взрослым, хочется верить, что добрый Дед Мороз существует. Следующий сюжет вызывает ассоциацию с известным словацким фильмом «Кубо», в главной роли с незабываемым Йозефом Кронером. Словацкий Кубо был примерно на том же умственном уровне:

Вопрос на радио:

«А скажите: вот Дед Мороз существует? А то мама говорит, что да, а жена смеется...»

Золушка в наши времена приобретает новые качества, соответствующие сказочные мотивы переключаются с современными экономическими категориями:

Бухгалтер впервые читает четырехлетней дочери сказку про Золушку. Девочка очарована историей, особенно той ее частью, где тыква превращается в золотую карету. Внезапно она спрашивает:

– Мам, а вот когда тыква превращается в золотую карету, это классифицируется как доход или как увеличение стоимости имущества?

Новые времена наступают и для Красной Шапочки, которая заботится о бабушке:

– Красная Шапочка, отнеси эти пирожки бабушке.

– Она уже не хочет. Какая-то скотина рассказала ей, что существует другая еда.

Новые варианты известных русских сказок вызывают некоторое недоумение:

Поцеловал Иван-царевич лягушку. И превратилась она в доброго молодца.

«Самец», – догадался Иван.

Вот, и даже мальчик-с-пальчик может стать большим:

– Ты кто такой?

– Я – мальчик-с-пальчик!

– А чего такой большой?

– Дверью прищепило, опух!

Новый сюжет во своей судьбе предлагает колобок, который, упор ставит на гигиену:

– Не ешьте меня, дедушка-медведь! Меня по сусекам мели, по амбарам скребли, короче – пыль, грязь, стекло, бычки...

На персонажи русских сказок можно примерять всю жизнь семейного мужчины:

– Как живешь? – спрашивает один приятель другого.

«И новые песни по-старому поем...»

– Как в сказке! Жена – *ведьма*, теща – *Баба-Яга*, брат – *Соловей-разбойник*, дети – *чертенята*. Зато соседка – *Елена Прекрасная*, а уж муж ее – *Иванушка-дурачок*.

От Муромца до шемайки

Кризис вызывает изменения в жизни известных персонажей русских былин. Пугающим в эпоху кризиса стал глагол *сокращать*, за которым скрывается повышение безработицы. Даже *Змей Горыныч* должен кое-что *сокращать*:

Илья Муромец встречается *Змее Горыныча*:

– *Змей Горыныч, а чего ты теперь с одной головой летаешь?*

– *Кризис, Ильюшенка! Три башки мне не прокормить!*

По нашим наблюдениям из древнерусской литературы относительно часто употребляются литературно-исторические лингвокультуремы из «Слова о полку Игореве». Центральной при этом кажется социально-коммуникативная модель *скептицизма* над судьбой России от времен Киевской Руси до наших дней. В 1990-ые годы в значительной степени была в России именно такова обстановка *скептицизма*, закодированная в лексеме *плач*. В этом смысле типичными являются отрывки, которые изображают *плач Ярославны*, жены князя Игоря, попавшего в плен к половцам. Это картина личного и общего горя, которое сопровождает Россию целые столетия. Но ведь надо же этот *плач* преодолеть, нужно требовать от властей, чтобы реально решали проблемы страны и чтобы жизнь россиян была наконец-то без плача:

Нужен не просто плач Ярославны, а нужно добиваться того, чтобы нам ответили (ЛР. 1990. № 50).

Кроме серьезных жанров регулярно подобные единицы функционируют в ироническом контексте. Это настоящий русский *плач* сквозь слезы:

Плач, как почтенный жанр, известный еще со времен «Слова о полку Игореве» (ЛГ. 1994. № 6).

В 1990-ые годы в России сложилась тяжелая обстановка главным образом в социальной сфере. Появилась безработица, серьезные осложнения вызвал такой феномен как *невыплата зарплат и пенсий*, что очень негативно отразилось в жизни простых российских семей. Опять идут образные сопоставления с семьей князя Игоря:

Плач Ярославны, Игоря и Игоревичей (П. 18. 2. 1993).

Живучесть мотива *плача* как общенародного состояния отзывается в РАС (Т. I., с. 453):

ПЛАЧ: ребенка, слезы, горечь, Ярославны, женщины, Родина, страдание...

Одной из самых важных проблем, которой регулярно занимаются в России и в странах бывшего социалистического лагеря, это **коррупция**. Принимаются разные меры по ее ограничению, но вряд ли они принесут ощутимые результаты. Оказывается, что персонаж средневековой «Повести о шемьякином суде» опять на сцене:

Легенда о шемьякином суде дошла до нас (ЛГ. 1997. № 13).

Лебедь, рак, щука, стрекоза, муравей и прочие

Относительно богатым источником современного сказочного и сатирического отображения постсоветской действительности являются басни **И. А. Крылова**. Его персонажи в лице животных представляют собой носителей всех человеческих качеств. Так как в «Слове о полку Игореве» тема русского **неединства** стала стои в постсоветское время как одна из главных проблем России. Данная социально-коммуникативная модель актуализируется очередной раз посредством известной басни «Лебедь, рак и щука», когда в первой половине 1990-ых лет шли поиски нового пути России во всех областях ее развития, но в особенности это относилось к вопросам российской государственности:

Когда в товарищах согласия нет (О. 1994. № 46–47).

Определенная смысловая универсальность указанной басни Крылова по отношению к русской культуре и к реалиям России подтверждается и таким рассуждением:

Олицетворением России является тройка – лебедь, рак и щука (ЛГ. 1990. № 50).

Из той же басни известной лингвокультуремой стала ее концовка, которая олицетворяет лень, пассивность, безответственность. Незавершенное строительство аэропорта в Новосибирске создало новый крыловский сюжет:

Потрачено 50 миллионов рублей, а воз и ныне там (ЛГ. 1997. № 10).

В начале 1990-ых лет проходили реформы политической системы России. Высшую позицию в стране по новой Конституции должен был занять Президент, избираемый на основе всеобщего и прямого голосования. Для наших стран новая форма выборов стала необычной, кандидатами на разные посты стали часто сомнительные лица. Басня «Квартет» данный сюжет демонстрирует наглядно:

Мы забыли мудрую басню Крылова про музыкантов, которые как ни садились, но музыки у них не получалось (ЛР. 1991. № 22).

Басня «Волк на псарне» содержит российские сюжеты, с возможностью противоположной интерпретации. С одной стороны она показывает положительные качества русского патриотизма и мужества. С другой стороны в годы смуты и социально-политических конфликтов те же самые сюжеты могут

«И новые песни по-старому поем...»

выглядеть отрицательно. В исследуемый период шли споры и поиски относительно русской идеи, которые вызвали сатирический отклик через мотивы наванной басни:

*Наша национальная идея звучит по Крылову: **Бегут, иной с дубьем, иной с ружьем. Огня! Кричат – Огня!*** (О. 1994. № 44–45).

В аналогичном авторском замысле комментировалась попытка первого президента России Б. Н. Ельцина, который в одном из своих выступлений призывал своих оппонентов к миру, и тем самым повел себя как *волк-Наполеон* в 1812 году:

Забудем прошлое, уставим общий лад (СР. 20. 2. 1993).

Кризис, естественно, по-своему касается животных из басен **Крылова**, которые олицетворяют современных *олигархов* (*волк, лиса*) и простой народ (*мартышка*): *Бежит мартышка по лесу и кричит:*

– **Кризис! Кризис!**

Навстречу ей выходит волк и спрашивает:

– Что ты кричишь?

– Так ведь **кризис же...**

– Ну, **кризис**, и что? Я как ел мясо, так и буду его есть.

Бежит мартышка дальше.

– **Кризис! Кризис!**

Навстречу ей лиса:

– Что ты кричишь?

– Так ведь **кризис же...**

Ну, **кризис**. И что? Я как ходила в шубе, так и буду продолжать ходить.

Идет мартышка дальше и думает: «А я что кричу? **Как ходила с голым задом, так и буду ходить...**»

В басне «Стрекоза и муравей» воплотились два архетипа человеческой деятельности – **лень и трудолюбие**:

*Кто движет историю – **стрекоза или муравей?*** (ЛГ. 1995. № 42).

В многих предприятиях сложилась трудная обстановка, в новых условиях свободного рынка они не сумели работать, были нерентабельными и стали напоминать именно *летом поющую стрекозу*. Их позицию характеризует концовка из данной басни:

Ты все пела? (ЛГ. 1993. № 17).

В 1990-ые годы были боьшие проблемы со снабжением населения продовольствием. Ситуацию в отдельные годы осложняли еще и неблагоприятные климатические условия. В наступившем продовольственном кризисе обвиняли ответственных деятелей, которые не позаботились вовремя решать продовольственную проблему и их приравнивали к *стрекозе*:

Стрекоза и суховей (П. 21. 10. 1999).

Некоторые российские гуляки в известных зарубежных центрах отдыха в результате собственной беззаботности очутились в положении крыловской *стрекозы*, выразительного представителя лени в русской культуре. В данном случае обнаруживаем современную ассоциацию *стрекозы* с топонимом *Куришавель* – французский горнолыжный центр, который стал в России ассоциироваться с роскошной жизнью русских олигархов:

*Мы гуляли в Куришавеле,
Погуляли – будь здоров!
Лето красное пропели,
И остались без штанов.*

Все чаще высказывалась критика в адрес бывшей советской номенклатуры. Ее изображали посредством одного из персонажей басни «Свинья под дубом»:

Номенклатура, наевшись до отвала (О. 1997. № 2).

Заключение

В «РАС» находим целый ряд ассоциаций, которые базируются на сюжетах крыловских басен. Приведем лишь некоторые:

ВОРОНА: сыр, и лисица, лиса

ЗАЯЦ: и медведь

ЛИСА: ворона, и кувшин

МЕДВЕЖИЙ: услуга

ОБЕЗЬЯНА: и очки, у зеркала

РАК: басня Крылова, щука, пятится назад

СВИНЬЯ: под дубом, желудь, неблагодарная.

Итак, русская народная словесность и древнерусская литература создали целый ряд лингвокультурем, в смысловом центре которых содержатся базисные социально-коммуникативные модели этнокультуры России. Частотность их функционирования повышается в годы перемен, трансформаций и реформ, которые осложняют положение многих россиян. Наряду с тем можно отмечать этнокультурные приоритеты страны, ее важнейшие проблемы и в некотором смысле языковые формы **самоценки России**. Важным аспектом данного исследования является **лингвокультурология русского смеха**, который в формах **преувеличения** действительности является гоголевским зеркалом российской действительности.

«И новые песни по-старому поем...»

Сокращения:

ЛГ – Литературная газета, ЛР – Литературная Россия, О – Огонек, П – Правда, СР – Советская Россия

Использованная литература:

Алиференко, Н. Ф., Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва: «Флинта: Наука», 2010.

Воробьев, В. В., Лингвокультурология. Теория и методы. Москва: Изд-во РУДН, 1997.

Караулов, Ю. Н. и колл., Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу. Москва: ООО Изд-во Астрель, 2002.

Красных. В. В., Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2001.

Сорокин, Ю., Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (какими мы видим себя и других). Вопросы языкознания, 1995, № 6, с. 17–29.

